

УДК 347.2/3

Цифровые права как новый объект гражданских прав

И. М. Конобеевская

Конобеевская Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ikonobeevskaya@yandex.ru

Введение. В статье анализируются внесенные в Гражданский кодекс РФ изменения, касающиеся введения нового объекта гражданских прав – цифровых прав. **Теоретический анализ.** Категория цифровых прав призвана урегулировать отношения, возникающие по поводу использования криптоактивов, в первую очередь, таких как криптовалюты и токены. В то же время в принятой редакции закона это прямо не указывается, использованное в нем определение цифровых прав может потенциально распространяться на гораздо больший круг объектов. При этом собственно криптовалюты и токены принципиально новыми объектами прав не являются. По сути, они представляют собой записи в децентрализованном реестре, построенном с использованием блокчейн-технологий. Сами по себе они не являются ни имуществом и ни имущественными правами, а представляют собой технологически новый способ записи об имущественных правах.

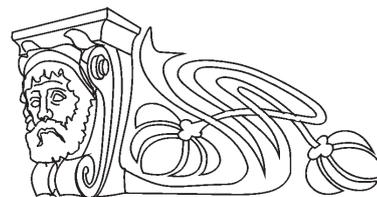
Результаты. На основе изложенного в статье делается вывод об ошибочности отнесения цифровых прав к объектам гражданских прав. Для целей регулирования хозяйственного оборота достаточно было бы признания того факта, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе посредством внесения записей в децентрализованные реестры. Закрепление в гражданском законодательстве подобных положений уже позволило бы распространять на криптоактивы все необходимые для их использования и защиты гражданско-правовые инструменты.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые права, криптовалюты, токены, имущественные права.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

Введение

Право как регулятор общественных отношений объективно должно успевать за изменениями этих отношений, реагировать на появляющиеся новые отношения и меняющиеся традиционные. Серьезным вызовом законодателю в этом плане являются современные цифровые технологии, которые с конца XX в. с огромной скоростью изменяют все современное общество. Не является исключением и экономика, которая подверглась существенным изменениям уже с появлением Всемирной сети Интернет. Электронная торговля, электронная коммерция, расчеты посредством сети Интернет уже прочно вошли в нашу жизнь. Новым фактором, с каждым годом все более влияющим на экономические отношения, стало появление криптовалют, а затем и токенов.

В течение нескольких последних лет, когда многие страны уже активно регулировали в рамках национального законодательства рынок криптовалют и ICO (США, Япония, Швейцария, Беларусь и др.), Российское государство оставалось в стороне от этого процесса, более того, демонстрировало свое негативное отношение к указанным экономическим феноменам (достаточно вспомнить, например, Информацию Банка России от 27.01.2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”», в частности, Биткойн»). Однако с каждым годом становилось все более очевидным, что такая политика приведет лишь ко все большему отставанию Российской Федерации от других государств. Как результат, в высшем руководстве страны все-таки сложилось определенное понимание необходимости развития и в том числе посредством адекватного правового регулирования того, что в целом именуют «цифровой экономикой» (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» и др.). Во исполнение данных документов программного характера были внесены изменения и в гражданское законодательство, в результате которых список объектов гражданских прав, предусмотренный ст. 128 Гражданского кодекса РФ, был расширен за счет включения в их число так называемых цифровых прав.

Теоретический анализ

Указанные изменения вступают в силу с 1 октября 2019 г., и с этого момента ст. 128 ГК РФ будет выглядеть следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Надо сказать, что путь данного законопроекта, до того как он стал законом, был отнюдь не простым. Внесенный в Государственную Думу 26 марта 2018 г., он подвергался резкой критике со стороны как государственных чиновников и предпринимателей, задействованных в криптоэкономике, так и научного сообщества. Если сравнить итоговый текст данного законопроекта с первоначальным, несложно заметить, что концепция его была существенным образом изменена. Фактически можно говорить о двух разных документах.

Что же мы можем видеть в результате? Само понятие цифровых прав дано в новой статье 141.1 ГК РФ «Цифровые права». Согласно ч. 1 данной статьи «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [1].

Надо отметить, что в первоначальной редакции законопроекта определение цифровых прав отличалась довольно существенно. Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу, «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [2].

Принципиальным здесь видится то, что законодатель отказался в итоге от привязки цифровых прав исключительно к децентрализованным информационным системам (децентрализованным реестрам). Такое узкое понимание цифровых прав, к которым в результате могли быть отнесены только права, фиксируемые в реестрах,

ведущихся посредством использования блокчейн-технологий, с самого начала подверглось серьезной критике. К примеру, в Экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечалось: «...проект необоснованно сужает понятие “цифрового права”, связывая его существование только с распределенным реестром. Права в электронной форме могут существовать не обязательно только в блокчейне; более того, они уже существуют в такой форме и активно реализуются миллионами людей. В этом несложно убедиться, обратившись к балансу собственного аккаунта мобильной связи. Принятый Проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде» [3].

Отчасти с этой позицией можно согласиться. Действительно, блокчейн-технология, как и любая технология, вполне очевидно имеет временные рамки существования. Возможно, она просуществует и будет активно использоваться десятилетия или даже века, а, возможно, лишь годы – и на смену ей придет более совершенная. И, конечно, в таком основополагающем документе, как Гражданский кодекс Российской Федерации, тем более в его базовых положениях, методологически не слишком верно использовать конструкции, которые могут за сравнительно короткое время устареть.

Однако что мы получили в результате? Определение цифровых прав, содержащиеся сейчас в ст. 141.1 ГК РФ, потенциально настолько широко, что может включать практически любые права, фиксируемые в цифровой форме. К примеру, в вышеупомянутом Экспертном заключении это совершенно верно применительно к балансу мобильного телефона. Однако также в качестве цифровых прав можно рассматривать и баллы, накапливаемые клиентом какого-либо банка и фиксируемые в информационной системе этого банка (к примеру, бонусы «Спасибо» от Сбербанка). Цифровыми правами при желании можно назвать и различные бонусы, на которые может претендовать участник компьютерных сетевых игр. Можно привести и другие примеры, при этом совершенно очевидно, что с развитием цифровых технологий и все большим их вторжением в нашу жизнь количество таких примеров будет только множиться.

В принципе, само по себе на концептуальном уровне может быть все это и не так плохо. Указанные объекты, так же как и многие другие ценности виртуального мира, давно нуждаются

в детальной регламентации, на что указывают многие ученые [4, с. 52; 5, с. 128, 131 и др.]. Вместе с тем нельзя не отметить, что изначально концепция законопроекта была принципиально иной – к цифровым правам предполагалось отнести только права, возникающие у пользователей платформ криптовалют и ICO.

В то же время обратим внимание на то, что указанное широкое толкование цифровых прав заложено в гражданский закон пока лишь потенциально. Это сделано путем закрепления в ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ оговорки: «названные в таком качестве в законе» и «отвечающей установленным законом признакам». Какие права будут названы в законе цифровыми и какие признаки будут установлены для указанных информационных систем – вопрос остается открытым. По сути, принятый 18.03.2019 Федеральный закон № 34-ФЗ является лишь констатацией того, что цифровые права существуют и они привязаны к информационной системе.

Иными словами, государство оставило для себя пространство для маневра – вопрос о содержательном наполнении цифровых прав будет решаться в дальнейшем (при этом остается непонятным – какими конкретно актами и в какие сроки это должно быть сделано). Авторы итоговой редакции законопроекта устранились от решения вопроса о цифровых правах по существу, отнеся его к неопределенному будущему. Таким образом, с одной стороны, понятие цифровых прав в законодательство вроде бы как внесено, с другой – объем их не определен и фактически, до появления разъясняющих нормативных документов, применение гражданско-правовых норм о цифровых правах остается невозможным.

Еще до принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ сама концепция закрепления в гражданском, да и вообще в российском законодательстве неких цифровых прав подвергалась определенной критике. В частности, Правовое управление аппарата Государственной Думы в своем заключении «По проекту федерального закона № 424632-7 “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации”» указывало, что более рационально не вводить в закон новое понятие цифровых прав, а использовать уже устоявшиеся в мировой и российской практике термины «криптовалюты» и «токены» (эта критика была сделана по первой редакции законопроекта и, соответственно, в рамках узкого понимания цифровых прав с привязкой их исключительно к блокчейн-технологиям).

Данная позиция (в рамках узкого понимания цифровых прав) видится нам достаточно обо-

снованной. Если законодатель, как, собственно, следует из пояснительной записки к законопроекту, стремился урегулировать вопросы криптоэкономики, к чему уходить от терминов, понятных во всех странах, и вводить лишние сущности без необходимости? При этом надо иметь в виду, что сам термин «цифровые права» (digital rights) также имеет достаточно устоявшееся понимание в зарубежных источниках, однако относится не к криптоактивам, а характеризует права человека в цифровом пространстве [6, с. 88].

Вместе с тем, даже оставляя терминологию в стороне, зададимся другим вопросом: а являются ли вообще цифровые права правами в собственном смысле этого слова и уж тем более новыми объектами гражданских прав?

Для ответа на него необходимо обратиться к сущности так называемых криптоактивов. Разумеется, единых точных определений в этой сфере не существует, однако определенные позиции можно все же признать устоявшимися.

Так, цифровая валюта (криптовалюта) – это альтернативная форма валюты, обращающаяся, хранящаяся и создаваемая в онлайн, но не имеющая физической формы [7, с. 4]. Она также может быть определена как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций [8, с. 144].

Токен – это единица учета в криптовалютах или уникальный символ в системе блокчейна. На сегодняшний день специалисты выделяют три основных вида цифровых токенов: 1) токены приложений; 2) кредитные токены; 3) токены-акции [9, с. 22]. С технологической точки зрения токен – это один из миниатюрных блоков в системе блокчейн, который может использоваться для закрепления различных прав в рамках этой системы.

Таким образом, и криптовалюты, и токены выступают по своей сути способами фиксации прав либо даже притязаний на некие блага в конкретном децентрализованном реестре. К примеру, токен может давать право на получение некоего товара, производимого в рамках реализации проекта ICO, либо на получение прибыли от этого проекта. С этой точки зрения он не сильно отличается от бездокументарной ценной бумаги. Собственно, само по себе появление и бурное развитие ICO является в определенной степени следствием довольно усложненного порядка проведения IPO.

Еще меньше прав предоставляет любая криптовалюта. У владельца токена есть хотя бы право требовать что-то у обязанных лиц – орга-

низаторов ICO. Криптовалюта никаких подобных прав не дает, обязанных лиц в отношении нее не существует, принимать ее в качестве средства платежа никто не должен. Собственно, поэтому она и не является валютой в классическом понимании, а выступает товаром, который может иметь большую или меньшую востребованность (отчасти в силу этого криптовалюты и имеют такую высокую волатильность).

Так или иначе, и криптовалюты, и токены не являются, на наш взгляд, какими-то принципиально новыми объектами с позиций гражданско-правового регулирования (действительно, сложно считать новым объектом права блок в децентрализованном блокчейн-реестре, т.е., по сути, просто цепочку символов). Да и права, которые они предоставляют, принципиально не отличаются от иных прав, давно и хорошо известных законодателю, в том числе российскому. Особенность проявляется лишь в способах фиксации этих прав, которые действительно являются довольно специфичными в связи с использованием распределенных реестров. Абсолютно точно было сказано в официальном отзыве Правительства РФ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из определения понятия цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации и перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав» [10]. В этом плане и криптовалюта, и токен ничем принципиально не отличаются от известного уже тысячелетия человечеству ксюмбаллона (предмета с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по двум половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись).

Результаты

Таким образом, на наш взгляд, введение в законодательство понятия «цифровые права» является в принципе терминологически не вполне точным, а их отнесение к объектам гражданских прав и вовсе ошибочным. Конечно, цифровые права можно рассматривать как юридическую фикцию. Однако использование в законодательстве юридической фикции должно преследовать какую-то цель, способствовать достижению

определенного результата. В рассматриваемом случае таким результатом, по-видимому, выступает распространение на криптовалюты и токены режима имущественных прав. Однако, как представляется, в создании такой сложной конструкции объективной необходимости нет – для целей регулирования хозяйственного оборота достаточно было бы признания того факта, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе посредством внесения записей в децентрализованные реестры. Закрепление в гражданском законодательстве подобных положений уже позволило бы распространять на криптоактивы все необходимые для их использования и защиты гражданско-правовые инструменты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 18.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).
3. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Бухонова Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 50–57. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057
5. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестн. гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127–150.
6. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–89.
7. Андрушин С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России // Банковское дело. 2018. № 2. С. 4–14.
8. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестн. Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 140–147.

9. Касаткина В. В. Токен и криптовалюта : их понятие и взаимосвязь в цифровой экономике // Цифровые технологии в экономической сфере : возможности и перспективы : сб. науч. ст.. Тамбов, 2017. С. 22–25.
10. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. 08.06.2018. URL: <http://m.government.ru/all/32876/> (дата обращения: 29.04.2019).

Образец для цитирования:

Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 330–334. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

Digital Rights as a New Object of Civil Rights

I. M. Konobeevskaya

Irina M. Konobeevskaya, <https://orcid.org/0000-0001-6798-6802>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ikonobeevskaya@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the changes made to the Civil Code of the Russian Federation concerning introduction of a new object of the civil rights – the digital rights. **Theoretical analysis.** The category of the digital rights is designed to settle the relations arising from the use of cryptoassets, first of all, such as cryptocurrencies and tokens. At the same time, it is not directly specified in the accepted edition of the law, the definition of the digital rights used in the edition can potentially extend to a much wider range of objects. At the same time, cryptocurrencies and tokens are not essentially new objects of the rights. In fact, they represent entries in the decentralized register constructed with the use of blockchain technologies. They are neither property nor property rights, they represent a technologically new way of a record of property rights.

Results. The author draws the conclusion that it is inaccurate to refer to the digital rights as the objects of civil rights. To regulate economic circulation, it would be sufficient to recognize the fact that property rights can be recorded in a digital form, including recording by means of entering records into the decentralized registers. Consolidation of similar provisions in the civil legislation would allow to apply all the civil tools necessary for the use and protection of cryptoassets.

Keywords: digital technologies, digital rights, cryptocurrencies, tokens, property rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part 1) of 30.11.1994 no. 51-FZ (an edition of 18.03.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32 (pt. 1), art. 3301 (in Russian).
2. Draft federal law no. 424632-7 “About modification of parts the first, second and fourth Civil code of the Russian Federation” (the edition brought by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text as of 26.03.2018). Available at: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (accessed 20 April 2019) (in Russian).
3. The expert opinion under draft federal law no. 424632-7 “About modification of parts the first, second and third the Civil code of the Russian Federation” (it is accepted at a meeting of Russian President’s Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation 17.01.2019 no. 183-1/2019). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
4. Bukhonova L. R. Tendencies and Perspectives of Development of the Constitutional Right to Private Property in the Modern World. *Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 1, pp. 50–57 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057
5. Savelyev A. I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2014, vol. 14, no. 1, pp. 127–150 (in Russian).
6. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Legal essence of new digital assets. *Zakon* [Law], 2018, no. 9, pp. 86–89 (in Russian).
7. Andryushin S. A. Technology of the distributed registers in financial to the sphere of Russia. *Bankovskoe delo* [Banking], 2018, no. 2, pp. 4–14 (in Russian).
8. Belykh V. S., Egorova M. A. Cryptocurrency as means of payment: New approaches and legal regulation *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2019, no. 2, pp. 140–147 (in Russian).
9. Kasatkina V. V. Token and cryptocurrency: Their concept and interrelation of digital economy. In: *Tsifrovye tekhnologii v ekonomicheskoi sfere: vozmozhnosti i perspektivy* [Digital technologies in the economic sphere: Opportunities and prospects. Collection of sci. art.]. Tambov, 2017, pp. 22–25 (in Russian).
10. Official response of the Government of the Russian Federation on the bill of regulation of the new objects of the property economic relations existing on the Internet. Available at: <http://m.government.ru/all/32876/> (accessed 20 April 2019) (in Russian).

Cite this article as:

Konobeevskaya I. M. Digital Rights as a New Object of Civil Rights. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 330–334 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>